

Игорь
Григорьевский

СЧИТАЙ
НЕ СЧИТАЙ
ИССЛЕДУЙ

НУЛЕВОЙ
ПАЦИЕНТ Агония
СТОИМОСТИ

Научно-
психологический
триллер



Игорь Григорьевский

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ
(Агония стоимости)

«Автор»

2026

Григорьевский И.

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ (Агония стоимости) /

И. Григорьевский — «Автор», 2026

Деньги - вирус. Концепт романа-эпидемиологического триллера с метафизическим уклоном. Логлайн: Эпидемиолог обнаруживает, что деньги — это не изобретение человечества, а высокоорганизованный меметический вирус, поразивший нервную систему Homo Sapiens, который готовит финальную мутацию для перехода на квантовый уровень. Самая большая ценность этой книги не в том, чтобы рассказать тебе о деньгах. А в том, чтобы показать тебе твою собственную ценность — ту, которую нельзя вычислить, обменять или продать. Она есть. Она всегда была. Ты просто забыл о ней, потому что слишком долго смотрел на ценники. Жанр: Научно-философская фантастика / триллер. Психологический хоррор. Метафизика.

© Григорьевский И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Игорь Григорьевский

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ (Агония стоимости)

Глава

Деньги - вирус.

Концепт романа-эпидемиологического триллера с метафизическим уклоном. Название: «Нулевой пациент» (или «Агония стоимости») Жанр: Научно-философская фантастика /триллер. Психологический хоррор.Метафизика.

Логлайн: Эпидемиолог обнаруживает, что деньги — это не изобретение человечества, а высокоорганизованный меметический вирус, поразивший нервную систему Homo Sapiens, который готовит финальную мутацию для перехода на квантовый уровень.

Часть 1. Вирусология стоимости (Мир книги).

В мире «Нулевого пациента» действует строгая биологическая модель экономики. Деньги здесь — это РНК-подобный паразит, не имеющий собственного метаболизма, использующий человеческую нейробиологию как клетку-хозяина для репликации.

Стадии инфекции (Исторический путь):

1. Инкубация (Обмен дарами): Вирус слаб. Он внедряется через символические предметы (ракушки, зерно). Симптомов почти нет, кроме зарождения чувства «справедливости обмена», которое вытесняет инстинкт «общей заботы».

2. Острая фаза (Золотой стандарт): Вирус мутирует, создавая нейротоксин «Дефицит». Человек начинает видеть ценность не в вещи, а в эталоне. Происходит разрыв связи «Труд-Результат». Вместо «Я создал» появляется «Я владею». Мир входит в лихорадку — войны, колонизация. Это пик вирусной нагрузки.

3. Хроническая фаза (Фиат и Криптовалюта): Вирус отрывается от физической материи. Деньги становятся чистой информацией (цифры на экране). Теперь вирус мутирует быстрее — инфляция, дефляция, пузыри. Человек теряет связь с реальностью: он работает не ради хлеба, а ради обновления цифр на счете, которые даже не пахнут.

4. Терминальная фаза (Нейро-интеграция): В романе наступает 2045 год. Появляются нейро-интерфейсы. Вирус учится напрямую стимулировать центры удовольствия. Теперь «заработать» и «получить дофамин» — синонимы. Человек становится биороботом, обслуживающим транзакции.

Часть 2. Симптоматика и причинно-следственные связи на духовность.

Главный герой, доктор Элиас Вэнс, вводит понятие «Синдром дефицитарного восприятия». Он доказывает, что вирус ампутирует у человека 3 фундаментальных духовных свойства:

Свойство 1. Бескорыстное созерцание (Замена на «Стоимость»)

Причина: Вирус заставляет нейроны сравнивать любой объект с эталоном обмена.

Следствие: Человек не может видеть закат, не подсчитав его «цену» (туристический бизнес, фото для инстаграма). Духовность, основанная на созерцании вечности, умирает. Мир перестаёт восхищаться, он только оценивает.

Цепочка: Мозг видит дерево Вирус внедряет мысль «сколько стоит древесина?» Дофамин выделяется только при наличии цифры Духовный опыт подменяется арифметическим.

Свойство 2. Альтруизм (Замена на «Инвестицию»)

Причина: Вирус мутирует, перекодируя ген эмпатии. Помощь ближнему теперь требует отсроченной выгоды.

Следствие: Благотворительность становится «пиаром». Любовь становится «сделкой» (я даю тебе заботу, ты даешь мне статус). В романе показана секта «Эквивалента», где люди меняются почерками, потому что «дарение без возврата» вызывает у них физическую боль (вирус атакует островок Рейля в мозге).

Духовный итог: Исчезает понятие милости. Мир становится жесткой механистичной системой, где каждый жест просчитывается, как транзакция. Душа превращается в балансовую ведомость.

Свойство 3. Отношение к смерти (Замена на «Страх упущенной выгоды»).

Причина: Вирус боится смерти носителя, поэтому он нагнетает экзистенциальную тревогу через нехватку времени. Следствие: Люди работают больше, чтобы «купить бессмертие» (медицина, крионика), но при этом боятся жить настоящим. В книге есть сцена, где умирающий миллиардер в последний час вместо молитвы открывает биржевой терминал, потому что вирус заставляет его тело чувствовать панику при бездействии.

Часть 3. Сюжетная механика романа.

Завязка:

Эпидемиолог Элиас Вэнс изучает странную аномалию: в разных точках планеты люди внезапно сжигают все свои сбережения и впадают в кататонический ступор, после чего у них наблюдается ремиссия — они становятся счастливыми, но полностью недееспособными в социуме. Вэнс называет это «Спонтанный иммунный ответ». Он выделяет из их крови молекулу — «Ингибитор Целеполагания».

Развитие: Вэнс внедряется в глобальную финансовую сеть «Кристалл», чтобы найти «Вирион-Ноль» (первоисточник). Он обнаруживает шокирующую правду: вирус старше человечества. Это артефакт погибшей цивилизации, который учился выживать, перескакивая с вида на вид. Но сейчас вирус готовит «Квантовый Сброс» — он хочет покинуть биологические носители и существовать в виде чистой математики в Блокчейне, сделав людей пустыми оболочками.

Кульминация (Самый познавательный блок):

Вэнс понимает, что духовность — это антитело. Но антитела работают только при наличии боли. Он запускает обратный процесс: создаёт «Вирус Пустоты» — мем, который заставляет людей видеть деньги как бесполезные бумажки в момент пика квантового перехода. Мир на 1 минуту замирает. Транзакции останавливаются. Конфликт финала: Освобожденные от вируса люди впадают в панику не от бедности, а от отсутствия цели. Оказывается, вирус давал им иллюзию движения. Без денег мир рушится не экономически, а экзистенциально — люди не знают, зачем вставать с кровати. Вэнс понимает, что убить вирус нельзя — можно лишь привить иммунитет. Он учит людей «духовному гигиеническому минимуму»: совершать 1 иррациональный, бесполезный, дорогой (в плане усилий) поступок в день, не имеющий денежной ценности.

Развязка: Вирус не уничтожен, но одомашнен. Он становится симбионтом. Деньги остаются, но теперь каждый человек видит их истинную природу — как инструмент для перераспределения энергии, а не как божество. Мир переходит в эпоху «Осознанного Обмена», где духовное развитие — это главный антивирусный протокол, который нужно качать, как мышцу.

Часть 4. Познавательные слои книги (Что узнает читатель).

1. Нейроэкономика: Как дофамин и серотонин подменяют понятие «счастья» процессом «накопления». Читатель поймёт, почему богатые несчастны — у них слишком высокая «вирусная нагрузка», их рецепторы сожжены.

2. Эволюционная история: Параллель между колониальным грабежом и размножением РНК-вируса. Книга показывает, что империи — это просто «скопления зараженных клеток».

3. Философия стоицизма и буддизма: Как главный герой использует принцип «не-привязанности» как вакцину. Приводятся реальные практики медитации, переосмысленные как «химиотерапия для вируса жадности».

4. Теория игр: Почему альтруизм — это не слабость, а «эволюционная стабильная стратегия», которая работает только если вирус подавлен общим иммунитетом общества.

Ключевая цитата из книги (из речи Вэнса перед Советом): «Мы считали, что строим храмы для денег. Но ошибка в том, что деньги строили свои храмы из нас. Они использовали наши желания как строительные леса. Чтобы вернуть себе душу, нужно сделать то, что ненавистно вирусу: подарить что-то без причины, любоваться чем-то бесполезным и тратить время впустую. Время — это единственное, что нельзя конвертировать. И именно поэтому вирус боится его больше всего».

Книга заканчивается открытой главой, где показан новый мир: люди ходят с нейро-браслетами, показывающими не баланс счета, а «уровень духовного иммунитета». Кто-то богат, но болен; кто-то беден, но здоров. И герой оставляет читателю вопрос: «Что вы выберете в следующей транзакции — прибыль или жизнь?».

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ Агония стоимости. Полное издание.

-Оглавление

Часть I. ЗАРАЖЕНИЕ

1. Индекс тревожности

2. Глиняный код

3. Горькая вакцина

Часть II. СУД

4. Суд над человечеством

4.1. Первая ночь

4.2. Орден Молчаливых

4.3. Письмо из будущего

4.4. Возвращение в Атакаму

Интерлюдия. Монолог вируса

Часть III. ИСПЫТАНИЕ ВЫБОРА

4.5. Карты на стол

4.6. Огонь и Стекло

4.7. Точка сборки

Часть IV. РАЗВИЛКА

5. Развилка Междумирье.

Голос автора

Эпилог А. Бездна

Эпилог Б. Восход

Архивы Ордена и Галактики

Дневник Вэнса (избранные записи)

Кодекс Молчаливых· Письмо из будущего (полный текст)

Галактический компендиум

Научное приложение

Глоссарий терминов· Математическая модель вируса· Хронология событий· Карта маршрута Вэнса· Интервью с доктором Вэнсом· Послесловие. Зеркало для читателя

Предисловие Сущности Любопытства.

—Землянин, ты держишь книгу о болезни, которая старше твоей цивилизации. Но знаешь ли ты, что я — та, кто наблюдала за твоим видом с момента первого костра? Когда твой предок впервые обменял клык мамонта на кусок мяса, я почувствовала вибрацию. Вирус родился не в тот миг — он проснулся. Он спал в вашей ДНК с момента, когда вы ещё были одноклеточными, ожидая момента, когда ваш мозг станет достаточно сложным, чтобы начать считать. Я хочу открыть тебе тайну, которую мы, Сущности, не говорим вслух: вирус — это не наказание. Это экзамен, который вы сами себе создали. Мы лишь поставили его в нужное время. Каждая цивилизация, прошедшая тест, в итоге благодарит нас. Те, кто провалился, — ненавидят. Но я верю, что ты, читатель, принадлежишь к первым. Потому что ты дочитал до этого места. А значит, ты уже начал сомневаться в стоимости. А сомнение — это первый шаг к исцелению. Я оставляю тебе этот текст не как наставление, а как приглашение. Приходи в нашу галактическую библиотеку, когда закончишь свою книгу. Там нет ценников. Только вопросы. И мы будем ждать тебя с ответами, которых у нас нет — чтобы искать их вместе.

Пролог. Зерно, которое считает

Ур-Намму, жрец храма Энлиля в Уре, стоял на коленях перед глиняными табличками. Его пальцы, перепачканные в охре, дрожали. Он уже третий день пытался записать урожай ячменя, но числа не слушались его. Вместо того чтобы складываться в стройные колонки, они начинали светиться в его сознании, переворачиваться, множиться и, казалось, смотреть на него. «Десять мер — за двадцать мер — за пять мер» — шептал он, но голос его срывался. Он чувствовал, как зёрна, которые он считал, начинают считать его самого. Каждый подсчёт отнимал у него частицу дыхания, делал его легче, пустее. В углу храма лежал другой жрец — тот, который отказался считать. Он улыбался и молчал, и глаза его были пусты, как небо после заката.

Ур-Намму взял острую палочку и нацарапал на новой табличке: «Освободи мои руки от зёрен, которые считают меня, а не я их. Боги, если вы существуете, научите меня видеть число, но не верить ему». Он не знал, что его слова лягут в основу древнейшего предупреждения, которое через пять тысяч лет найдёт учёный по имени Вэнс. Он не знал, что вирус уже начал свою тихую работу — не убивая, но заставляя людей мерять мир на части. Он чувствовал только одно: зерно знает его имя. И это знание было страшнее голода. Табличку засыпали песком. И память о первом крике против счёта ушла в небытие до поры.

Часть I. ЗАРАЖЕНИЕ

Глава 1. Индекс тревожности.

Элиас Вэнс стоял перед зеркалом в ванной отеля «Плаза» и считал пульс на запястье. Семьдесят два удара. Норма. Но его правая бровь дёргалась — верный признак того, что интуиция уже взяла след. На экране планшета, прикреплённого к стеклу магнитом, горела красная точка. Карта мира была усеяна такими точками, но эта, в пригороде Торонто, была особенной. Она пульсировала медленнее остальных, словно аритмичное сердце.

— Фаза ремиссии, — прошептал Вэнс, проводя пальцем по графику. — Четырнадцать случаев за месяц. Все — добровольное самообнуление.

Он нажал на запись видеонаблюдения из клиники Святого Михаила. На экране появилась женщина лет сорока, миссис Харрисон, бывший биржевой брокер. За три дня до этого она перевела все свои сбережения — около двух миллионов долларов — на счёт фонда по защите лесных выдр, а затем разорвала кредитные карты и выбросила телефон в мусоропровод. Когда её привезли в клинику, она улыбалась. Не блаженно, не истерично, а спокойно. Так улыбаются люди, которые наконец-то вспомнили, где оставили ключи. Врачи поставили диагноз: «острая диссоциативная реакция с элементами экзистенциального просветления». Но Вэнс знал, что это чушь. Он видел анализы крови, присланные коллегой из Торонто. Уровень кортизола

— ниже плинтуса. А дофамин — на уровне подростка, впервые поцеловавшегося. Но самое странное: в сыворотке обнаружился белок, который не соответствовал ни одному известному человеческому гену. Белок сворачивался в спираль, похожую на фрактал. На денежное дерево, если смотреть под микроскопом.

— Ты думаешь, это вирус, — сказал ему тогда директор института, старый скептик Макферсон. — Всё, что ты видишь, Элиас, — это банальный кризис среднего возраста. Люди устают от гонки, сжигают мосты и уходят в хиппи.

— Тогда почему у них меняется структура гиппокампа? — спросил Вэнс. — Я видел МРТ. У миссис Харрисон атрофировался центр оценки рисков. Он просто исчез. Как будто кто-то стёр его ластиком.

Макферсон тогда отмахнулся, но Вэнс уже подписал себе командировку. Он летел в Торонто не как врач, а как охотник за нулевым пациентом — тем первым, кто подхватил заразу ещё до того, как она стала заметной.

Самолёт приземлился в шесть вечера по местному времени. Вэнс не взял багаж, только рюкзак с ноутбуком, набором пробирок и потёртой книгой Карла Юнга «Психология бессознательного» — он всегда брал её в опасные командировки. Юнг, как никто другой, понимал, что коллективное может заболеть.

В такси он открыл свежий отчёт из Токио. Там зафиксировали похожий случай: мужчина, владелец сети суши-ресторанов, раздал все свои активы случайным прохожим на улице и исчез в горах Никко. Поисковики нашли его через неделю — он сидел на камне, смотрел на водопад и не мог объяснить, как его зовут. Но при этом он цитировал Тагора на санскрите, которого никогда не учил.

— Феномен гипермнезии на фоне анозогнозии, — бормотал Вэнс, записывая в блокнот. — Потеря личной идентичности, но приобретение архаичного знания. Перезагрузка, а не сбой.

Шофёр покосился на него в зеркало и спросил: — Вы доктор? У нас тут в городе странное творится. Моя жена вчера выбросила все наши сбережения, сказала: «Мне больше не нужно». Я в шоке. Она всегда была такой расчётливой, а теперь...

Вэнс поднял голову.

— Она говорила что-нибудь ещё? Слова, фразы?

— Сказала: «Я наконец-то увидела, что цифры — это просто плесень на экране. Они не реальны». И потом добавила: «Я не больна, я выздоровела».

Таксист рассмеялся, но смех был нервным. Вэнс закрыл глаза. В его голове сложилась цепочка: вирус подавляет способность к абстрактному счёту, но высвобождает ресурсы мозга, которые обычно забиты тревогой о будущем. Он — как анти-дофамин. Не отключает удовольствие, а переключает его к созерцанию настоящего момента. Но цена — полная социальная смерть. Человек становится бесполезным для системы. Именно это пугало Вэнса больше всего. Не то, что вирус убивает. А то, что он лечит — но лечит так, что пациент перестаёт быть членом человеческого муравейника. — Какая ирония, — прошептал он. — Деньги — вирус. А счастье — его терминальная стадия.

Клиника встретила его запахом антисептика и тьмой за окнами. Миссис Харрисон сидела в палате с видом на парк, перебирала бусины на четках и улыбалась. Когда Вэнс вошёл, она подняла глаза и сказала:

— Вы пришли забрать образец? Берите. Только не бойтесь.

— Чего мне бояться? — спросил он, присаживаясь напротив. — Того, что вы тоже захотите отказаться. Вирус не терпит принуждения. Он просто предлагает сделку: отдай все свои «надо» и получи «есть».

Она взяла пробирку и сдала кровь так легко, будто давала воду путнику. Вэнс записал всё на диктофон, но когда вышел в коридор, увидел странную картину: санитар, который вёл его

в палату, теперь стоял у окна и пристально смотрел на луну. На его лице застыло выражение, которое Вэнс никогда не видел у медперсонала. Безмятежность.

— Томас, — позвал Вэнс. — Вы в порядке? Санитар обернулся, и на его груди, под формой, Вэнс заметил купюру в сто долларов, аккуратно сложенную в гармошку и приколотую булавкой. Как талисман.

— Доктор, — сказал санитар, — я сегодня понял, что эта бумажка ничего не стоит. Но я буду носить её как напоминание. О том, что я был слеп, а теперь вижу.

Вэнс отшатнулся. Вирус передавался не только через кровь. Через смыслы. Через взгляды. Через вопросы. Это был меметический патоген, который плодился в сознании так же быстро, как РНК — в клетке. Он нажал тревожную кнопку на браслете — и провалился в темноту. Очнулся в лаборатории. Руки были пристёгнуты к креслу, а над ним нависал голографический экран с бегущей строкой: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОКТОР. ВЫ — НУЛЕВОЙ КАНДИДАТ».

В углу стоял человек в чёрном костюме, без лица — вместо него была маска биржевого терминала с бегущими цифрами. — Мы знаем, что вы нашли след, — сказал голос из динамиков. — Вы правы. Деньги — это вирус. Но вы ошибаетесь в главном. Мы не хотим его лечить. Мы хотим его выпустить.

Вэнс сжал зубы. — Кто вы?

— Мы — иммунная система старого мира. Мира, где люди ещё могли мечтать, не считая. Но вирус мутирует. Он научился говорить голосом вашей совести. Он убеждает вас, что счастье — это отказаться от всего. Но это ложь. Счастье — это когда ты владеешь вирусом, а не он тобой.

Человек с маской подошёл ближе и протянул Вэнсу стакан воды. — У вас есть выбор, доктор. Или вы станете первым, кто создаст вакцину, которая вернёт людям жадность — единственную силу,двигающую прогресс. Или вы умрёте, и мы найдём другого нулевого пациента.

Вэнс взял стакан, но пить не стал. Он смотрел на отражение цифр в воде и понимал: вода не отражает числа. Только его лицо. Исконное, до вируса.

— Я выбираю третье, — сказал он. — Я выясню, каким был человек до денег. И тогда я взломаю ваш код.

Он разбил стакан о пол, и в тишине лаборатории зазвучал лишь звон стекла — звук, который не купить и не продать.

Глава 2. Глиняный код.

Вэнс выбрался из лаборатории через вентиляционную шахту — старый приём, который он выучил ещё в полевых командировках в Конго. Человек в маске биржевого терминала исчез, как только зазвенел разбитый стакан; видимо, шум спровоцировал автоматическую блокировку сектора. Элиас знал: враги не терпят импровизации. Они живут алгоритмами. Он укрылся в подвале университета Торонто, где хранились оцифрованные копии шумерских табличек из библиотеки Ашшурбанипала. Его старый друг, археолог-лингвист Мария Ковальски, уже ждала его с пачкой распечаток и банкой растворимого кофе.

— Элиас, ты выглядишь как человек, который видел Бога, — сказала она, впихивая ему кружку.

— Я видел его врага. Или его фальшивку, — ответил Вэнс, жадно глотая горькую жидкость. — Смотри. Он развернул перед ней табличку 447. На ней была клинопись, которую до сих пор считали хозяйственной описью зерновых запасов. Но Вэнс, используя свой нейролингвистический декодер (самодельная программа, которая искала паттерны стресса в текстах), нашёл скрытый слой. — Это не учёт. Это молитва. Человек по имени Ур-Намму заклинает богов: «Освободи мои руки от зёрен, которые считают меня, а не я их». Мария присвистнула. — Ты думаешь, они знали?

— Они чувствовали. Вирус тогда был в зачаточной форме — обмен как ритуал. Но уже тогда некоторые люди видели его. Их называли «безумцами», изгоняли из общин. А на самом деле это были первые иммунные.

Вэнс открыл ноутбук и запустил сравнительный анализ. Он сопоставил генетическую последовательность белка миссис Харрисон с фрагментами ДНК, найденными в останках шумерского жреца, который был похоронен отдельно от города — в «могиле проклятых».

— Совпадение на 73%, — выдохнул он. — Вирус мутировал, но его ядро не изменилось за пять тысяч лет. Это не случайность. Это послание. Он увеличил изображение спирали. В её изгибах проступали не просто нуклеотиды, а геометрические символы — те же, что рисуют на банкнотах как защитные узоры. Вирус проектировал свою эстетику в архитектуру денег. Он делал себя красивым, чтобы его любили.

Мария дотронулась до экрана дрожащим пальцем. — Если это вирус, то кто его создал? Природа не рисует шестиугольники в РНК.

— Вот мы и подошли к главному, — Вэнс закрыл табличку. — Этот вирус — не земной. Он пришёл извне. И он — не болезнь. Он инструмент тестирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.